

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (3846)

Суббота, 22 марта 1958 г.

Цена 40 коп.

ДЕКАДА ОТКРЫЛАСЬ

В ЧЕРА в столице торжественно начался смотр грузинского искусства и литературы. На московских сценах с большим успехом прошли первые выступления артистов братской республики. В помещении Большого театра Союза ССР шла опера З. Палиашвили «Дансис». Зрители спектакля — артисты Театра оперы и балета имени З. Палиашвили. На сцене Театра имени Евг. Бахтинга коллектив Театра имени Ш. Руставели показал пьесу известного грузинского писателя Л. Кнахиани «Тарзан Голу». Действие пьесы разворачивается на фоне событий, предшествовавших революции 1905 года.

Грузия под руководством заслуженного деятеля искусств композитора В. Цагеревшили и другие. Вчера в Центральном Доме архитектора открылась выставка грузинского искусства, характеризующая развитие национальной архитектуры. На выставке наряду с фотографиями зданий, возведенных еще в III веке до нашей эры, будут представлены макеты современных сооружений.

В Академии художеств СССР открывается выставка изобразительного искусства, в Государственной библиотеке ССР имени В. И. Ленина — выставка грузинской книги, графики и пластики.

24 марта в Государственном музее восточных культур откроется выставка «Культурные связи Грузии и России».

Сегодня в Колонном зале Дома союзов в торжественной обстановке начнется литературная часть декады. На снимке: группа грузинских писателей. Слева направо: Г. Абашидзе, С. Шаншишвили, И. Абашидзе, С. Чилая, А. Мирцхуладзе, А. Кутатели и И. Григорашвили.

Фото А. Ляпина

РЯЗАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

3. При выезде из усадьбы Рыбновской МТС мы остановили нашу машину: поедешь направо — попадешь в колхоз-миллионер, поедешь налево — попадешь в колхоз небогатый, маломощный. Куда ехать? Наш раздумывал перед рокот бульдозера, который обогнал нас, повернулся налево и, взмыла перед собой пенящийся снежный вал, взял курс на Козловку.

Следуя за бульдозером, мы добрались до небольшого села с нестройными рядами изб, над которыми ветви раскинули могучие оголенные ветви с темными панками мохнатых гречихиных гнезд.

В правлении колхоза тепло, людно, на-круено. Пронзительно и тщетно дребезжат телефонные звонки — никто к нему не подходит: председатель колхоза Докукин в отъезде, «начальства» в правлении нет. Выучас на бухгалтер Анна Григорьевна Зотова, представившая наше распоряжение годовой отчет колхоза.

И вот, еще не поговорив с людьми, не осмотрев хозяйств, а только разбрязгиваясь в многочисленных графах и колонках цифр, мы начинаем уже представлять себе жизнь этого колхоза. Цифры отчета неутешительны, — они прямо и ясно говорят, что экономическая эта колхоз еще слаб. Убеждаешься в этом сразу: на трудах колхозников получили менее килограмма зерна, а деньги значительно меньше, чем в соседних колхозах. Долги накопились за колхозом изрядные — ссыпые миллиона двухсот тысяч рублей.

Наши размышления над отчетом приводят заместителя председателя колхоза Федор Дементьевич Сергеев. Размашистая походка, трех, слегка сдвигнувших набок, распахнутый ватник, широкая и энергичная жестикуляция сразу показывают, что перед нами человек бывалый. И впрямь, тут же выясняется, что не раз он уже был председателем колхоза, не раз «шел на понижение», а затем и «на повышение» и при любых непроизводственных уймал.

Вспомнилось, что о председателе колхоза Борисе Семеновиче Докукине, агрономе по профессии, говорит здесь как о человеке типичном, который муки не обидит. Сопоставление этих двух фигур давало некоторое, пока еще смутное представление о стиле руководства колхозом.

Федор Дементьевич внимательно выслушал, зачем мы к нему приехали, раздвинул пригласил нас в кабинет, отдав на ходу распоряжение о вызове нужных для этой встречи людей.

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

В беседе включаются пришедшие в кабинет секретарь парторганизации Константин Сергеевич Константинов и бригадир тракторного отряда Николай Иванович Баранов. Они тоже за покупку машин. Но вот что не ясно: когда колхоз может расплатиться за купленную технику? Константинов считает, что через три года, Сергеев возражает: через три года, но раньше. Баранов напоминает о задолженности по ссудам. Возникает пауза, которую, наконец, решительно прерывает Сергеев.

— Деньги дело наживное. Будет техника, будут и средства. А что ссуда? На ссуду отмены нет. На горюче, на запчасти деньги вот-вот потребуются. Сев на носу. Дадут!

Готовится ли колхоз к приему техники, к хранению, к ремонту ее? За окном виднеются почти совсем занесенные снегом сельхи, избу, жатки, у окна одной избы — там живет тракторист — стоит трактор, преодолевший уже не одну метлу; другой трактор, изрядно поржавевший красавец «Беларусь», одиноко приступился к бревенчатой стене фермы. Навесов нет, помещений для ремонтной мастерской также, — но, может быть, они будут скоро? Судя по всему, нет, скоро не будет. Об этом здесь мало думают.

С нашими собеседниками мы рассаемся с чувством недоумения и досады.

А Федор Дементьевич Сергеев, стоя на крыльце кабинета, бодро кричит нам вслед:

— Приезжайте еще! Вот увидите, мы первому нашему тракторному бригадиру Барапону за его заслуги такой монумент перед кабинетом поставим — залюбуетесь!

Будет ли монумент — не знаем, но хочется верить, что, когда здесь по-хозяйски, заботливо подготовятся к приему машин и механизаторов, будет чему порадоваться в этом колхозе.

Едем дальше. Километров двадцать отделяют Козловку от села Перекалы, где расположены колхоз имени Куйбышева. Там мугущие ветви раскинули свои ветви, усыпаные гречихиними гнездами, над крышами домов. Но пейзаж уже здесь не тот. Красные кирпичные домики, крытые железом и шифером, стоят строго в ряд, и ровные, прямые улицы выходят к площади, где строится тоже кирпичное двухэтажное здание клуба. Неподалеку от клуба — колхозный гараж, в котором стоят семь грузовых и одна легковая машина.

Здесь, как в Козловке, мы не застали председателя колхоза Алексея Дмитриевича Кирюшина, — он отдыхает в поломосковском санатории. Пока нарочный ходил за его заместителем, бухгалтер Анна Сергеевна Филиппова, по нашей просьбе, достала годовой отчет. Те же графы, таблицы, заполненные бесчисленным количеством цифр. Да цифры уже не те, и говорят они о другом: перед нами хозяйство крупное, многоотраслевое, быстро набирающее силу, идущее гору. На трудах колхозников получили свыше полутора килограммов зерна, а деньги меньше, чем в соседних колхозах. Долги накопились за колхозом изрядные — ссыпые миллиона двухсот тысяч рублей.

Наши размышления над отчетом приводят заместителя председателя колхоза Федор Дементьевич Сергеев. Размашистая походка, трех, слегка сдвигнувших набок, распахнутый ватник, широкая и энергичная жестикуляция сразу показывают, что перед нами человек бывалый. И впрямь, тут же выясняется, что не раз он уже был председателем колхоза, не раз «шел на понижение», а затем и «на повышение» и при любых непроизводственных уймал.

Вспомнилось, что о председателе колхоза Борисе Семеновиче Докукине, агрономе по профессии, говорит здесь как о человеке типичном, который муки не обидит. Сопоставление этих двух фигур давало некоторое, пока еще смутное представление о стиле руководства колхозом.

Федор Дементьевич внимательно выслушал, зачем мы к нему приехали, раздвинул пригласил нас в кабинет, отдав на ходу распоряжение о вызове нужных для этой встречи людей.

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

Анна Григорьевна смущенно объясняет: решения в письменном виде нет.

— Почему?

Теперь смущен Федор Дементьевич.

— Что же так! — говорит он. — Не управилась, что ли? — Я обращаюсь к вам: — Конечно, общего собрания у нас еще не было, но правление с активом обсуждало. Берем технику!

— Так вы хотите знать, — начал он, — будем ли мы покупать машины в связи с реорганизацией МТС? А как же, купим. Дело решенное. Мы уже тут посоветовались и единодушно постановили: брать технику.

— Есть ли решение общего собрания и можно ли его почитать?

— Анна Григорьевна, — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Как у нас есть, решение?

В ДЕРЕВНЮ ПРИШЕЛ ТРАКТОР

ОКОЛО тридцати лет тому назад в языке народу родилось новое слово — МТС. Это слово сразу же вошло в разговорную речь, стало общакным, подверглось той, как бы сказал, обработке, какую проходят многие слова в мастерской народа-языкотворца. Народ как бы обмыл его, приправил к повседневным своим нуждам, и вот оно стало тем самым родным «матасом», которое легло на Руси жить хорошо.

Вместе с этим словом в деревне пришел трактор.

Базалось бы, произошло лишь некое техническое усовершенствование, огромное, правда, но все же не будущее дальшего, что в плуг вместо лопаты или волов вприглась новая тягловая сила — машина.

На самом деле, когда эмтэсовский трактор пошел перекхватывать единоличные межи, в истории нашей деревни открылась новая эпоха.

Оставив экономистам цифры, а историкам — факты. Обратимся к художникам, о которых Горький однажды сказал, что они — чувствующие свойей страны, своего класса, ухо, око и сердце его...

Вспоминается начало тридцатых годов. В московских кинотеатрах демонстрируется фильм молодого режиссера Александра Довженко «Земля».

В те далекие годы едва ли кто-нибудь из нас, молодых людей, связывал землю с членами иных, кроме классовой борьбы. И трактор, который мы уже видели в деревне, был для нас больше, чем «автомашиной для буксировки прицепных повозок или для тяги сельскохозяйственных и других орудий», как говорится о нем в словах. Трактор был символом того нового и необыкновенного, что утверждало себя в деревне. Мы это понимали, однако же нужен был большой художник, чтобы с помощью силы изобразить чувства, вызванные в людях появлением трактора на нашей земле. Любовь, счастье, и рождение человека — все это совершилось в фильме под огромным облачным небом, в центре событий был горячий, пыльный колесный трактор, водитель которого перепахал между и был убит врагом, но даже в смерти оставалась могучина, прекрасны, тогда как убийца червяком корчился среди поднятых трактором пластов пашни.

Тогда же всех потрясла «Поднятая цепь» Михаила Шолохова.

Уже в самом названии романа читатели тех далеких лет ощущали исполненный размах работы, предпринятой партией в деревне. В ту пору одновременно поднималась веякая цепь земли и собственно-исторической женской психологии. И то, и другое можно было осуществить лишь с помощью мощной сельскохозяйственной техники, принадлежащей народу. Запах стерпевшего бензина, недавно появившийся в стени, рокот пятидатического мотора, еще обращавший на себя внимание волов и лошадей — все эти волнующие приметы нового возникли в воображении при одном лишь взгляде на книгу, в которой, впрочем, не было ни тракторов, ни трактористов...

Если поззий довженковского фильма были захватывающие дух преувеличения, то шолоховский роман был как окно, распахнутое в мир, в творящуюся рядом действительность. Страна была еще очень бедна техникой. Пускай в Гремицкий Лог еще не пришел трактор, как не пришел он еще в подавляющее большинство тогдашних колхозов, — творческая жизнь менялась под воздействием идей, которым должна была служить эта диковинная машина.

Трудно давалось новое крестьянину, собственно-историческая душа его томилась, тосковала, в мечтах отправляясь искать патриархальную мужицкую страну Мурзину. Все это еще было жизнью, но уже становилось поззией, причем сразу же, едва просохла типографская краска, —

«**Феми Дорош**

поэзии классической. Молодые люди тех лет едва ли превеличивали, когда, читая поэму А. Твардовского, онущали себе первыми читателями «Дон Кихота» или «Хана на Руси жить хорошо».

Восстанавливая в памяти первые впечатления от трех выдающихся произведений советского искусства, я вспомнил еще и четвертое, появившееся сравнительно недавно, — картину А. Пластова «Ужин трактористов». Меня поразило, что в картине, которую можно было назвать живролью, действительность, запечатленная художником, выглядит как бы существующей от века, от начала бытия.

И тридцати лет не прошло, а без трактора не представить себе современную деревню, с глубиной сутью народной жизни связалась история МТС.

«Организован широкое строительство МТС, — говорится в тезисах доклада Н. С. Хрущева, — Коммунистическая партия и Советское правительство впервые в истории предоставили в пользование труженикам крестьянства передовую технику, которая помогла ему перейти на единственно правильный, социалистический путь развития. В руках государства МТС сыграли роль важнейшего средства в борьбе за развитие и укрепление колхозного строя, за переворот в производстве многомиллионного крестьянства в духе колхозничества».

В тезисах товарища Хрущева еще сказано, что «строительство МТС ознаменовало собой глубокайшую техническую революцию в сельском хозяйстве». Трактор был символом того нового и необыкновенного, что утверждало себя в деревне. Мы это понимали, однако же нужен был большой художник, чтобы с помощью силы изобразить чувства, вызванные в людях появлением трактора на нашей земле. Любовь, счастье, и рождение человека — все это совершилось в фильме под огромным облачным небом, в центре событий был горячий, пыльный колесный трактор, водитель которого перепахал между и был убит врагом, но даже в смерти оставалась могучина, прекрасны, тогда как убийца червяком корчился среди поднятых трактором пластов пашни.

Предпринята сейчас партией реорганизация машинно-тракторных станций, подразделений опытного народа, в жизни не только тем, что обещает значительные экономические выгоды, о которых говорят в тезисах, и в развернувшемся в деревне, на селе комсомольца, безбожника, знающего из книжек столько, сколько не знали все деревенские парни, вместе взятые. Соня любит Никита Сомов, чубатый красавец и певун, а в душе девушки зашла невразличный с виду Алеша: он ей близок тем, что стремится к большому в жизни. Соня в сама рада бы выбраться из деревенской скучки, ей хочется и на луне полежать, и артисткой стать, но знает она, что учиться не пойдет деревеню не покинет. «Тут я — первая, а там — к последним пристраиваться», — говорит она.

Продолжая сказку о деревенской жизни, я вспоминаю, как рассказывали в деревне около тридцати лет назад, сразу же взяла на себя известную часть человеческой работы. Доля его участия в труде на земле с каждым годом становилась все больше и больше. И все же, особенно если говорить о нетерпимой полосе серединки России, до сегодняшнего дня значительную часть крестьянских работ выполняют еще люди, египетские руки, мускульная его сила. Причем работы эти по преимуществу женские, хотя именно женщины надо бы в первую очередь освободить от физического труда. Но условия сельскохозяйственного производства таковы, что женщина ходит за коровами и выращивает свиней, сажает овощи и картошку, пропалывает землю, убирает. А для всего этого почти нет машин. Не очень гордятся для нечестивой стороны, где часто встречаются тяжелые суплинистые почвы, где поля и луга малы, потому что пересечены оврагами, болотами, пересекаются, — не очень удобны и выгодны для этих мест и многие существующие сегодня машины: огромные гусеничные тракторы, картофелекопирующие комбайны, прицепленные тракторные косилки, грабли...

Теперь, когда тракторы и сельскохозяйственные машины будут покупать колхоз, когда работающий на земле человек станет сам выбирать необходимые ему орудия труда, конструктору придется взять во внимание все его предложения и требования. Стало быть, реорганизация МТС означает продолжение и развитие начатой около тридцати лет назад технической революции в деревне, если говорить ономатопеей ученых политиков.

Нельзя предугадать, как расскажут об этом процессе художники.

Но легко вообразить, что человек, работающий на земле, окончательно обособившись от уродующего его тело изнутри мускульного труда, станет физически более совершенным и красивым. Вспомним современного тракториста или комбайнеров, загорелого, с округлыми, мастерски выполненным мышцами, на которых, кажется, вот-вот лопнет выцветшая, пропотевшая майка. Сравните этого землемельца наших дней с пахарем старых времен, скутившимися, длиннорукими, с большими расстоянными ногами и впалой грудью. Представьте себе, сколько сотен верст прошел он за союз, —

Можно представить себе главнейшее направление тех или иных процессов, однако нельзя вообразить, как все это в действительности обрастет противоречиями, столкновениями, подробностями — тем материалом, из которого художник создает свое произведение. История советского искусства убеждает нас в том, что значительные события в жизни нашей страны обязательно находят себе равных по силе художников.

А вопрос, который будет решать ближайшая сессия Верховного Совета СССР, касается коренных основ бытия не только деревни, но и всего народа. Речь пойдет о хлебе насыщном и о работнике из сотен верст прошел он за союз, —

Ниной Грибачев. «Августовские звезды». Рассказы. «Советский писатель», 1956, 219 стр.

ФЕЛЬТОН ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЧУГУНОК

ВООБРАЗИТЕ, какое становится лицо у семилетнего человека, если мама вдруг заявляет, что сейчас они пойдут смотреть волшебный чугунок, в котором мука сама превращается в тесто, а картошка сама очищается от кожуры.

— Значит, мы идем в театр смотреть спектакль «По щучьему велению»... радостно всплеснула руками Галия.

Но Ирина Васильевна покачала головой. Нет, они идут вовсе не в театр. Они идут смотреть взаимодействие чугунок, который, как по волшебству, поможет ей «справиться с бытом».

И мама, и соседка тетя Илава постоянно жаловались, что «быт их засел». В представлении Гали это было злой старик вроде Кащея Бессмертного, который только и делает, что заедает женщин. Наконец-то быт будет покорен!

Но когда мама привела Гали к зданию с тяжелыми узорчатыми дверьми, девочка разочарованно склонила голову. Ведь это же музей, хотя тот музей, в котором она была с папой, называлась как-то иначе, а этот — «Всесоюзной горной палатой». В том музее было много разных птиц, готовых встать и покорнуть. Но оказалось, что они и с места двинуться не могут. И папа сказал, что это чучела. А ведь хорошие вещи чучлом не назовут...

Но когда их ввели в огромный светлый зал, от галларного недоверия не осталось и следа. Чудеса начались сразу же. По мановению руки местного дяди в прозрачном белом горшке сама собой начала чиститься кастрюшка.

— Два кило за три минуты! — с гордостью сказал

Потом им показали блестя-

щую сковородку, и Гали вспомнила сказку о солнышке, которое уселилось в избе на полу, а хохолька скорехонько изжарила на нем оладьи.

Да не только сковородка — все здесь было, как в сказке. В кастрюлях-сковородах одновременно варились три блюда, и за какие-нибудь полчаса они были готовы. В тестомешалке мука превращалась в тесто, в электромиксе сама собой мылась грязная посуда. А мама только стояла рядом и довольно посмеивалась.

Но особенно понравилась им обеим чудо-печка. Она была электрическая, чистая, белая. Достаточно было поставить выключатель на нужный час, и можно было спокойно идти в кино. Обед будет сам варишься, а в назначенное вами время плита автоматически выключится.

Гали и мама очень понравились им обеим чудо-печкам. Она была электрическая, чистая, белая. Достаточно было поставить выключатель на нужный час, и можно было спокойно идти в кино. Обед будет сам варишься, а в назначенное вами время плита автоматически выключится.

— Это только образцы, — сказал он почему-то шепотом.

— Так это еще не проходит? — удивилась Ирина Васильевна.

И тогда дядя наизнанку стал выговаривать маме:

— Чему я могу помешать?

ПЕРЕГОВОРЫ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ: ЭТОГО ТРЕБУЮТ ИНТЕРЕСЫ МИРА

Свыше трех месяцев назад Советское правительство выдвинуло предложение о созыве совещания на высоком уровне. И все это время идея разрешения спорных вопросов путем переговоров, перспектива сохранения мира и безопасности для миллиардов людей, влечет сердца народов. Простые люди, видные представители деловых кругов, трезво мыслящие государственные деятели в странах Запада и Востока горячо отклинулись на этот призыв. Популярность советского предложения так велика, что даже самые упрямые сторонники политики «с позиций силы» не решаются отвергнуть его. Они предпочитают скрываться за туманными фразами, прибегают к хитроумным уверткам и маневрам, стараются уйти от прямого ответа.

По инициативе Советского правительства прошел предварительный обмен мнениями, позволивший выяснить точку зрения сторон в важнейших вопросах. Это явно на пользу всем. Но многие государственные деятели на Западе недовольны. Они предпочитают бытовую дипломатию, секретные переговоры. Гласность, внимание общественности не в их интересах. И в ряде высступлений, в комментариях буржуазной печати ссылаются брюзгами: «к чему этот обман послалимы», «он ничего не дает», «это пустая трата времени». Американский обозреватель Генри Хайворт пишет, что «тайная дипломатия все еще возможна и в настущее время к ней положительно относятся и в Англии, и в Соединенных Штатах».

Разве не ясно, чем вызвана эта светобоязнь? Приверженцы тайной дипломатии хотели бы в случае неудачи совещания свалить вину за «нечесаровитость» на Советский Союз...

Открытый обмен дипломатическими документами мешает этому. Мировая общественность знает все и может проследить, как западные державы нерождены затрудняют подготовку к совещанию в верхах, стараются затянуть дело, помещая смягченные международной напряженности.

Соединенные Штаты действуют на этот раз теми же методами, как они действовали при обсуждении вопросов разоружения в ООН. Еда Советский Союз идет на встречу сделанным американцам предложению, как они делают шаг назад. Американское правительство потребовало, в качестве условия встречи глав правительства, предварительного созыва совещания министров иностранных дел. Мы согласились на это. Но западные державы выдвинули новые предварительные условия.

То же повторилось с вопросом о сроках совещания. До сих пор остается без ответа советские представления о дате и возможном составе участников.

Сознательно искажая истинное положение вещей, буржуазная печать изображает дело так, словно Советский Союз настаивает на включении в повестку дня лишь тех вопросов, в которых он заинтересован сам. Между тем Советский Союз предлагает обсудить именно то, что связано с судьбами всего мира.

Советский Союз уделяет огромное внимание устранению угрозы ядер-

ной войны. Этим благородным стремлением проникнут ряд советских предложений. И не удивительно, что новое предложение Советского правительства о запрещении использования космического пространства в военных целях, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях, о международном сотрудничестве в этой области, встретило широкий сочувственный отклик. Миллионы людей нашли ответ на волнующий вопрос: как не допустить использования новейших достижений науки и техники для развязывания истребительной ядерной войны?

Западные державы еще не ответили на новое советское предложение. Но уже сейчас видно, как велика его притягательная сила. Чего стоят теперь попытки запугать общественное мнение успехами советской науки, представить наши искусственные спутники, как угрозу миру! Из-под ног тех, кто пытается ввести в заблуждение народы, исказить смысл внешней политики Советского Союза, выбить почву. Явная растерянность сквозит в комментариях буржуазной печати США и Англии. Маргарит Хиггинс признает в «Нью-Йорк геральд трибюне», что «руsskое предложение, сделанное в конце недели относительно космического пространства, гораздо детальнее, чем все, что до сих пор предлагали Соединенные Штаты, и, как признают официальные лица, оно имеет большой успех, в особенности среди нейтральных стран... Кремль одержал пропагандистскую победу».

Американские обозреватели, как обычно, пытаются жонглировать словом «пропаганда». «Русские делают пропагандистские успехи. Хрушев, по-видимому, переживает лучшее время в своей жизни», — пишет корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюна». «Трудность заключается в кризисе руководства Запада». Советский Союз добился нового пропагандистского успеха своим предложением о контроле над космическим пространством. никто не отрицает, что это проявление советской инициативы должно произвести сильное впечатление на мир», — признает газета «Криксыен санс монитор».

Но разве дело в соревновании в области пропаганды, в том, кто первым выхватил инициативу из рук партнера, произвел более сильное впечатление на общественность?

Советский Союз одержал неоспоримую победу на международной арене, завоевал доверие миллионов людей. Это произошло потому, что его политика отвечает интересам мира, чаяниям миллионов людей, их надеждам и мечтам. Предложение Советского Союза встречают горячий сочувственный отклик потому, что они конструктивны, реальны, ясны. Люди разных взглядов и политических убеждений верят теперь в искренность советской немереной, подкрепленной делами.

«Дипломатия света» — так называла политику Советского Союза одна из зарубежных прогрессивных газет, противопоставляя ее тайной дипломатии Запада.

«Дипломатия света» побеждает. Таков важнейший вывод, важнейший итог последних трех месяцев.

ХРОНИКА

ЛИТЕРАТУРА

ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

ТРИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ФИЛЬМА

СКОРО на экраны Чехословакии выйдут два словацких фильма производства киностудии «Братислава-Колиба»: «Сорок четыре» и «Земанская честь».

Первый фильм сделан режиссером Павлом Биелком и повествует о бунте словацких солдат в годы первой мировой войны. Сорок четыре солдата, поднявших под влиянием русской революции голос протеста против мировой войны, были приговорены к смертной казни. Этот исторический факт и лег в основу фильма.

Режиссер остановился на черном виде варианте, а не на цветном. Это дало ему возможность подчеркнуть трагическую сущность событий.

Фильм поставлен мастерски. Смотрится он с напряженным вниманием. Хорошо гармонирует с жестокой действительностью. Виктор первой мировой войны подхватил все

их планы...

«Новый роман», — пишет о трудах, вставших перед А. Цвайгом в работе над книгой «Время приспело», писатель Вернер Ильберг, — с поразительной точностью вводит

нас в жизнь, предшествующую известным участием...

Роман А. Цвайга выпущен в Берлине издательством «Ауфбау-ферлаг».

◇ ◇ ◇

«ДЕЛО» О СОАВТОРСТВЕ

НА КНИЖНОМ рынке Западной Германии, наводненном всемирно известными реваншистскими машинулатурами, не так давно появилась еще одна «книга-роман» — «Герхард Альбрехт, потерянный Германия». Это объемистая книга в пятьсот с лишним страниц описывает поражение гитлеровских войск под Сталинградом. Нехитрый смыслен ее заключен уже в самом названии романа — «Герхард Альбрехт, потерянный Германия в слизи храброго гитлеровского воинства». Печать создала роману широкую рекламу. «Альбрехт, который предстал» было признан бестселлером сезона.

Технический Земан решил свой фильм оригинальным способом, сочтя съемки живых персонажей с рисованной декорацией и куклами. Фильм, безусловно, интересен, в первую очередь с технической стороны, и найдет хороший прием у зрителя, особенно у юного. Хотется думать, что его увидят и советский зритель, что этот фильм не постигнет участь некоторых изумительных картин всемирно известного кинодраматурга Иржи Трнки, по непонятным причинам мало нам знакомых.

Георгий ГУЛИА

ПРАГА-БРАТИСЛАВА

◇ ◇ ◇

Мертвая петля

В ПОЛЬСКИХ литературных еженедельниках опять замелькало имя молодого писателя Марека Хлакса.

Нет, он не выпустил новой книги. Его последним произведением, изданным в прошлом году, была повесть «Дураки вят в утре», которую один из польских критиков назвал «гротеской амальгамой претенций на пророчество с подражанием западным бестселлерам».

Ныне имя Хлакса приводится в связи с выходом на экраны польских кинотеатров фильма «Петля», поставленного по его одноименному рассказу.

Напомним кратко сюжет этого рассказа: некто Куба, избранный пьяникою своей основной профессией, впервые между очередными попойками, под влиянием любви его женщины, делает попытку покончить с пьянством. Это не удалось ему, и после некоторых размышлений, скрашенных алкогольными парами, Куба набросил себе петлю на шею и со всей силой оттолкнул стул ногами. Этот сюжет привлек режиссера Хаса, создавшего фильм «Петля».

Польская критика по-разному

приняла новый фильм. Отнюдь не считает «Петлю» каким-либо достиженiem польского киноискусства

режиссера варшавского еженедельника «Политика» Л. Пиньковский.

По его мнению, создатели фильма «остановились где-то на полдороге

между «объективистской литературой и проповедями в духе религиозных представлений о конце мира».

Однако русские живописцы авторы энциклопедии не жалуют своим вниманием. Из всей плеяды великих русских художников в том попали только трое: Васнецов, Верещагин и Репин. Да и те в довольно скромном виде: Васнецов отведен четырьмя строками, Репин — с половины и Верещагин — семью. Последнему даже поместили «один из его картин». Для остальных же русских художников, картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посетителей Третьяковской галереи и других наших музеев, в энциклопедии места не нашлось.

И уж совсем не повезло советским художникам. Внимание составителей приехало лишь одни А. Дейнека. Да и то в небольшой заметке, посвященной этому художнику, авторы останавливаются лишь на раннем периоде его творчества. Об остальных советских художниках — полное молчание. Зато в книге не мало места отведено художникам — «только о сюжете, а не о художнике». И так ум и интересен, что кончится «один из его картин». Для оставшихся картины которых любят сотни тысяч посет